

Капризная актерская судьба, к сожалению, не особенно одарила этот «звездный» сценнический дуэт настоящими «звездными» ролями на экране. Ни Александру Ширвиндту, ни Михаилу Державину не доводилось выйти и в лидеры по журнальному рейтингу зрительской популярности. Но именно они смогли занять свое уникальное место в актерской «комнате смеиха» и в сердцах многочисленных поклонников комедийного жанра. Меняются моды, кумиры и темы анекдотов, алегкомысленно-многозначительная перепалка двух остроумных артистов по-прежнему остается коронным номером программы.

— Александр Анатольевич и Михаил Михайлович, надо бы по традиции попросить вас порадовать публику чем-нибудь «эдаким». Но я, напротив, хочу спросить вас — насколько органично вы сами себя ощущаете в роли постоянно хохмящих шуменов и презентантов? Не напрягает ли вас такая трудная популярность?

АЛЕКСАНДР ШИРВИНДТ И МИХАИЛ ДЕРЖАВИН:

М. Державин: — Как сказать, думаю, это скорее ложное впечатление, будто мы постоянно «мелькаем» перед зрителями на эстраде. Важно ведь различать, скажем, наши авторские вечера, с которыми мы ездим по стране, для которых собираем специальный концертно-театральный репертуар, или какие-нибудь презентации, награждения «Никами» и прочее. В сущности, в роли шуменов мы часто появляемся только в среде кинематографистов — порой бывает просто невозможно отказать друзьям-коллегам...

А. Ширвиндт: — Ну, если честно, это, конечно, нас напрягает и довольно сильно, и мы уже стараемся потихоньку «завоевывать» со всякими презентациями и аукционами. Их ведь теперь немаленькое количество! Меня когда-то впервые пригласила Раиса Максимовна Горбачева провести аукцион картин в выставочном зале Культурного фонда. Туда поехали серьезные люди, специалисты из Соцбис. А я провел это серьезное государственное мероприятие в полупроштанной манере, даже не вложив сознывая, что все эти продажи для нас кровавые потери. Теперь же аукционы стали будничным делом — о помощи продвигаются, от кошелька произведения искусства. И, понятное дело, подобием детства обросли «эдаким» набором популярнейших лиц. Ну, вы, вроде — режиссеры Хазанов, Жванецкий, Александр Родченко, театр «Современники», «Июль» и мы в эту компанию презентующих попали. Конечно, это все тяготи. Ведь нельзя же просто так выйти на сцену и сказать «Здравствуйте». А хороший номер придумать — это большая работа.

— Насколько я понимаю, у вас сложился самодостаточный творческий организм — сами тексты пишете, сами себя редактируете, сами ставите номера и сами их разыгрываете?

А. Ш. — К сожалению, да. В годы нашей молодости все творческие профессии на эстраде были дифференцированы. Авторы писали, артисты играли. Сейчас все перепуталось — наши замечательные друзья, писатели-сатирики теперь сами исполняют свои тексты, отнимают у нас хлеб, оставили нас голыми-босыми. И мы в свою очередь вынуждены были тоже включиться в литературную конкуренцию. К нам, правда, пытались приобщиться молодые авторы — но они начинали специально подстраиваться под «наш стиль». А мы бы наоборот хотели от молодых что-то новое получить, а уж «свою манеру» мы как-нибудь сами поддержим.

М. Д. — Меня недавно приглашали на радио, просили восстановить какой-то из наших старых смешных диалогов. Но наши сценки практически невозможно воспроизвести на радио. Ведь мы не «разговорники», мы не тексты сатирические читаем, а просто актерски разыгрываем какие-то ситуации — что-то на паузах, на мимике, на пластике, на интонациях. Вот как Александр Анатольевич говорит — «Давай поиграем!» И я очень люблю это забытое актерское слово — «играть». У нас ведь теперь актеры все больше «живут» на сцене. А ведь на сцене надо и играть, лицедействовать — наша профессия.

— А как определить жанр ваших эстрадных выступлений в дуэте?

А. Ш. — Жанр? Ширвиндт и Державин.

Шир-Державин. В общем — а сейчас — «эти»...

— А в каком жанре вам сейчас видится наша жизнь?

А. Ш. — В жанре фарса!

М. Д. — Скорее, трагифарса. Вот, скажем, уникальный, неповторимый, замечательный артист Геннадий Хазанов очень смешно и выразительно показал Жириновского. Но парадокс нашей профессии заключен в том, что сам Жириновский все равно смешнее и страшнее одновременно. Трагифарс.

Нам как-то «взглядовцы» предлагали сделать пародию на Нину Андрееву, имея в виду мой опыт «женских» ролей. Но это же практически невозможно. Надо быть гением, чтобы написать безумно смешную и точную политическую интермедию. Иначе все будет выглядеть мелкой стрельбой по мухам. К тому же нельзя просто обидеть женщину — она же чья-то супруга, мама, преподаватель у студентов. А пародия на низком уровне не сможет точно выразить ее сложные политические воззрения.

— Значит, сегодня сатира бессмысленна и бессильна?

А. Ш. — Так ведь сейчас в основном в ходу не сатира, а простое нахальство. Сатира — это уровень Салтыкова-Щедрина, это когда во имя чего-то серьезного, несмотря на цен-

А ЖИЗНЬ СТРАШНЕЕ И СМЕШНЕЕ

зурные препоны что-то талантливо высмывается, критикуется. А сейчас кругом абсолютная безнаказанность и безназорность. Если в «Вечерке» запросто печатается анекдот: «Сара, оказывается то, что мы принимали за оргазм, было астмой!» — значит, завтра с эстрады можно будет показать голый, простите, зад — и уже показывают. И это не вопрос цензуры, а вопрос отсутствия ценза — профессионального, редакторского, интеллектуального, который должен быть в литературе, в искусстве, в журналистике. Если Эдик Лимонов становится властителем дум, так это не победа над цензурой, а отсутствие ценза, критериев, культуры...

М. Д. — Изменения духа сатиры очень чувствуются и по зрительному залу нашего театра Сатиры. Когда мы впервые в стране играли «Самоубийцу» Эрдмана до закрытия этого спектакля, то зал особенно чутко реагировал на политические остроты драматурга. «Пусть правительство протянет нам руки! — Лучше бы оно протянуло ноги...» Это же была бомба! А теперь по улицам ходят ребята с плакатами «Ельцин, Горбачев — Геббельс, Гитлер». И вот в нынешней, возобновленной постановке «Самоубийцы» люди уже смеются над бытовыми сопоставлениями нашей сегодняшней и прежней жизни, над простыми человеческими слабостями. Думаю, сегодня

сатира и должна быть обращена внутрь человека, на вечные его пороки и проблемы — а их пропасть!

А. Ш. — И особенно у нашего современного человека, который из народа превратился в табуи безграмотных бескультурных элит дикарей.

— Вас особенно удручает мрачность, социально-политической декорации или человеческие потери?

А. Ш. — Прежде всего потери в человеческом общении. «Химики» сейчас стало много, химических взаимоотношений, эрзаца. Расслаивается круг даже проверенных, спокойных и добрых отношений. И не потому, что старые приятели разочаровались друг в друга — просто люди из-за все сил стремятся выжить в круговороте современной жизни. Общаться стало некогда.

А вообще-то мы уже так много потеряли и пережили, что несольно притупилась острота восприятия. Уж сколько раз менялись политические декорации, а мы все время вынуждены были к ним приспосабливаться, чтобы не стидно было жить, чтобы себя не потерять, не будучи не диссидентами, не функционерами системы, а просто нормальными людьми. Ну, сколько раз можно себя менять и заново «прозревать», на все откликаться душой? Уже организм не справляется с интоксикацией перемен, даже добрых. Это ведь для молодежи разговоры о войне и о Сталине — история, литература. А мы все это пережили.

М. Д. — На вечере «Независимой газеты» в Доме кино мне доброжелательно протянул руку Михаил Сергеевич Горбачев, а я подумал, что жму руку уже четвертому генсеку. Мы ведь уже давно живем и благодаря своей профессии общались со многими интересными людьми, которые олицетворяли эпоху.

А. Ш. — Михаил Михайлович однажды был этим Семёном Михайловичем Буденным, а я учился в одном классе с Сергеем Хрущевым. Так что историю знаем по конкретным людям...

— А Мироненко и Пананов — для вас уже история или еще ощущается острота горечи утрат?

М. Д. — Конечно, их не хватает и на сцене, и в жизни. Они могли бы еще много сделать. Пананов был потрясающим, но у этого мощного человека и великого артиста был совершенно мальчишеский характер. А в Андрееву мы были знакомы с детства, дружили, вместе снимались. Это он нас привел в Театр Сатиры, а играя во всех его театральных постановках, мы вместе утратили жизнь, музыку, женщины. Нас всех троих объединила «стремительность» наших непослушных темпераментов. У Андрея был внутри мотор, он не мог усидеть на месте. Александр Анатольевич — это совершеннейшая тихая Тартилла. А я между ними — улаживающий, промежуточный вариант. Это общение давало приятные результаты и в работе, и в жизни. А сколько было историй, представляете?

— Представляю. Но неужели все приятные воспоминания уже обращены в историю? Неужели не вдохновляет весна или новая талантливая молодежь, которая сейчас завоевывает экран, сцену и эстраду?

А. Ш. — Уже накопился слишком большой груз впечатлений и усталости, и в профессии по-хорошему редко что-то удивляет — многое видели и знаем. А от весны обычно ждем, чтобы лед тронулся — в самом буквальном смысле. На рыбалку ездим — вот это успокоение и отдых.

— Так вы заядлые рыболовы?

М. Д. — Мы рыбаки страшные, профессионалы! Ездим по всей стране. У Александра Анатольевича теперь и место свое заповедное есть, купил сарай, устроил там рыбачий домик. А профессиональную радость и вдохновение, конечно, приносит зрители. Если зрительный зал резонирует твоим чувствам, это придает силы, стимулирует к жизни, пусть ненадолго. Впрочем, как и всякое доброе человеческое общение — это единственное, во что еще, пожалуй, можно верить всерьез.